

В. Г. Белинский

**<Россия до Петра
Великого>**

Виссарион Григорьевич Белинский

Россия до Петра Великого

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2778435*

Аннотация

22 января 1841 г., дописывая письмо к В. П. Боткину, начатое еще 30 декабря, Белинский сообщал, что в ближайшее время приступит к работе о Петре Великом, которая особенно волнует его: она «лежит у меня на сердце, давит его и просится вон... <...> Что же касается направления всей статьи, оно ясно: <роем><stanza><v>Россия тьмой была покрыта много лет;</v><v>Бог рек: «Да будет Петр!» и бысть в России свет, —</v></stanza></роем>как говорит известное двустишие, которое и будет выводом всей статьи. В России до Петра была тьма кромешная, люди – почти четвероногие; после Петра сделалось светло и люди становятся людьми, – вот и все...»

Содержание

Статья I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20
Комментарии	

В. Г. Белинский

<Россия до Петра Великого>

ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО, МУДРОГО ПРЕОБРАЗИТЕЛЯ РОССИИ, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинение И. И. Голикова. Издание второе. Москва. 1837–1840. Томы I–XIII.

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО. Сочинение Вениамина Бергмана. Перевел с немецкого Егор Аладьин. Второе, сжатое (компактное) издание, исправленное и умноженное. Санкт-Петербург. 1840. Три тома.

О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСИЯ МИХАЙЛОВИЧА. Современное сочинение Григорья Кошихина. Санкт-Петербург. 1840.

Статья I

Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских; и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!

Карамзин. Письма русского путешественника, т. III, стр. 167^[1]

Мы, русские, беспрестанно упрекаем самих себя в холодности ко всему родному, в равнодушии ко всему отечественному, русскому^[2]. Справедливо ли это? – И справедливо и нет! Справедливо, потому что это факт; несправедливо, потому что в уразумении этого факта принимают следствие явления за самое явление. Что такое любовь к своему без любви к общему? Что такое любовь к родному и отечественному без любви к общечеловеческому? Разве русские сами по себе, а человечество само по себе? Сохрани бог!.. Только какие-нибудь китайцы особны и самостоятельны в отношении к человечеству; но потому-то они и представляют собою карикатуру, пародию на человечество, и человечество отвращается от братства с ними. Но и китайцы еще не пример в этом вопросе, потому что было время, когда и китайцы были связаны с человечеством, выразив собою первый момент его сознания в форме гражданского общества;^[3] этому и обяза-

ны они своим дивным государственным устройством, в котором все определено и ничего не оставлено без сознания и которое теперь потому только смешно, что, лишенное движения, представляет собою как бы окаменевшее прошедшее или египетскую мумию довременного общества. Нет, здесь в пример идут разве какие-нибудь якуты, буряты, камчадалы, калмыки, черкесы, негры, которые действительно ничего общего с человечеством не имели, которых человечество не признает живою, кровною частию самого себя и для которых, может быть, есть только будущее... Итак, разве Петр Великий – только потому велик, что он был *русский*, а не потому, что он был также *человек* и что он более, нежели кто-нибудь, имел право сказать о самом себе: *я человек – и ничто человеческое не чуждо мне*?^[4] Разве мы можем сказать о себе, что любим Петра и гордимся им, если мы не любим Александра Македонского, Юлия Цезаря, Наполеона, Густава Адольфа, Фридриха Великого и других представителей человечества? Что он к нам ближе всех других, что мы связаны с ним более родственными, более, так сказать, кровными узами – об этом нет и спора, это истина святая и несомненная; но все-таки мы любим и боготворим в Петре не то, что должно или может принадлежать только собственно русскому, но то общее, что может и должно принадлежать всякому человеку, не по праву народному, а по праву природы человеческой. *Гений*, в смысле превосходных способностей и сил духа, может явиться везде, даже у диких племен, жи-

вущих вне человечества; но *великий человек* может явиться только или у народа, уже принадлежащего к семейству человечества, в историческом значении этого слова, или у такого народа, который миродержавными судьбами предназначено ему, как, например, Петру, ввести в родственную связь с человечеством. И потому-то есть разница между великими людьми человечества и гениями племен и, так сказать, *защитных* народов; есть великая разница между Александром Македонским, Юлием Цезарем, Карлом Великим, Петром Великим, Наполеоном – и между Аттилою, Чингисом, Тамерланом: первые должны называться *великими людьми*, вторые – *les grands kalmuks...*¹

Да! Мы холодны к своему, равнодушны к родному, но не потому, чтоб холодность и равнодушие лежали в нашей натуре, не потому, чтоб они были каким-нибудь нашим недугом, а потому, что мы еще холодны и равнодушны к общему, к мировому, которое заслонено от нас личным. Слово «интерес» мы еще принимаем в смысле «выгоды», а не живого и страстного сочувствия ко всему человеческому, в высшем и благороднейшем значении этого слова. Мы еще только начинаем соглашаться, что не худо иногда, перед вистом, в ожидании, пока подойдет *четвертый*, долженствующий дополнить партию, – поговорить и об искусстве, и об истории, и о Наполеоне, и о Шекспире, словом – о «Байроне и о матерях важных»...^[5] Петр Великий есть величайшее явление

---

¹ великие калмыки (монголы) (*франц.*). – *Ред.*

не нашей только истории, но и истории всего человечества; он божество, воззвавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России: и что же? чем показали мы свое неравнодушие к такому великому для нас явлению? Ничем, потому что громкие фразы, великолепные риторические восклицания еще меньше, чем ничто. Любовь проявляется в деле; следовательно, вопрос в том, что мы *сделали* для того, чтоб понять Петра Великого как великое историческое явление. Собрали ли мы материалы для его истории? – Нет! Сверили ль, сличили ль между собою, поверили ль исторической критикою хотя известные нам факты? – Нет! Есть ли у нас хоть какие-нибудь, сколько-нибудь заслуживающие внимание попытки изобразить в стройной исторической картине жизнь и деяния Великого? – Доселе еще – нет!^[6] Правда, был у нас один, который мог бы алмазным пером своим, как на меди или мраморе, нетленными чертами передать вечности дела и образ Великого; но преждевременная смерть вырвала волшебное перо из творческих рук и надолго лишила Россию надежды иметь учено-художественную историю творца ее будущего величия и счастья...^[7] Из прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова. Прекрасное, отрадное явление в русской жизни этот Голиков! Полуграмотный курский купец, выучившийся на железные гроши читать и пи-

сать, чувствует сильную потребность во что бы то ни стало узнать историю Петра Великого. Недостаток в средствах лишает его возможности собирать материалы; однако он делает для этого всевозможные пожертвования, урывками от коммерческих занятий и житейских забот, читает он все, что попадается ему под руку о Петре, делает выписки, и таким образом полагает начало своему труду, огромности которого и сам не предчувствует. Вдруг подпадает он уголовному суду, лишается свободы и чести; но через два с половиною года освобождается из заключения вследствие милостивого манифеста, по случаю открытия в Петербурге монумента Петру Великому^[8]. Из тюрьмы спешит он в церковь, оттуда на Петровскую площадь и, в священном исступлении, упав на колени пред статуею великого, громко и всенародно клянется достойно отблагодарить его за благодеяние. С тех пор каждая минута жизни его посвящена на совершение высокого подвига. *Тридцать томов* остались памятником его благородного рвения, и в безыскусственном, беспорядочном его рассказе нередко заметно одушевление, достойное предмета, его возбудившего; в основе лежит бессознательное, но тем не менее верное созерцание идеи, выраженной явлением Петра Великого. Явись Голиков у англичан, французов, немцев – не было бы конца толкам о нем, не было бы счета его биографиям; гипсовые изображения его продавались бы вместе с статуями Наполеона, Вольтера, Руссо, Франклина; портреты выставлялись бы в окнах эстампных магазинов,

виднелись бы на площадях и перекрестках.

Итак, труд Голикова есть почти *все*, что сделано нашей литературой для истории Петра Великого. Карамзин еще далеко не дошел до нее^[9], Пушкин смертью застигнут в приготовительных работах к ней. Записные наши исторические критики заняты вопросом «откуда пошла русь»^[10] – от Балтийского или от Черного моря. Им как будто и нужды нет, что решение этого вопроса не делает ни яснее, ни занимательнее баснословного периода нашей истории^[11]. Норманны ли забалтийские или татары запонтийские – все равно: ибо если первые не внесли в русскую жизнь европейского элемента, плодотворного зерна всемирно-исторического развития, не оставили по себе никаких следов ни в языке, ни в обычаях, ни в общественном устройстве, то стоит ли хлопотать о том, что норманны, а не калмыки пришли княжители над словены; если же это были татары, то разве нам легче будет, если мы узнаем, что они пришли к нам из-за Урала, а не из-за Дона, и вступили в словенскую землю правою, а не левою ногою?..^[12] Ломать голову над подобными вопросами, лишеными всякой существенной важности, которая дается факту только мыслию, – все равно, что пускаться в археологические изыскания и писать целые томы о том, какого цвета были доспехи Святослава и на которой щеке была родинка у Игоря. А между тем этот первый и бесплодный период русской истории поглощает, или по крайней мере поглощал, всю деятельность большей части наших ученых ис-

следователей, которые и знать не хотят того, что имена Рюриков, Олегов, Игорей и подобных им героев наводят скуку и грусть на мыслящую часть публики и что русская история начинается с возвышения Москвы и централизации около нее удельных княжеств, То есть с Иоанна Калиты и Симеона Гордого. Все, что было до них, должно составить коротенький рассказ на нескольких страничках, вроде введения, рассказ с выражениями вроде следующих: «летописи говорят, но думать должно; вероятно; может быть; могло быть» и т. д. Подобное введение должно быть коротко, ибо что интересного в подробном повествовании о колыбельном существовании хотя бы и великого человека? И малые и великие люди в колыбели равно малы: спят, кричат, едят, пьют. Даже и собственно история московского царства есть только введение, разумеется, Несравненно важнее первого, – введение в историю государства русского, которое началось с Петра. В этом введении встречаются интересные лица, сильные и могучие характеры, даже драматические положения целого народа; но все это имеет чисто человеческий, а не исторический интерес; все это так же интересно в русской истории, как и в истории всякого другого народа во всех пяти частях свет» – История есть фактическое жизненное развитие общей (абсолютной) идеи в форме политических обществ^[13]. Сущность истории составляет только одно разумно необходимое, которое связано с прошедшим, и в настоящем заключает свое будущее. Содержание истории есть общее: судьбы

человечества. Как история народа не есть история миллионов отдельных лиц, его составляющих, но только история некоторого числа лиц, в которых выразились дух и судьбы народа, – точно так же и человечество не есть собрание народов всего земного шара, но только нескольких народов, выражающих собою идею человечества. Мы уже намекнули, что и самый Китай имел всемирно-историческое значение, выразив робою первый момент общественности; но хотя китайцы и теперь существуют, да еще в числе, как говорят, чуть ли не ста миллионов голов, однако они столько же принадлежат к человечеству, сколько и миллионы рогатых голов их многочисленных стад. Индийцы, египтяне, и особенно племена семитические, греки и римляне, – каждый из этих народов был звеном в цепи развития человечества, – *был*, но теперь уже не *есть*, ибо индийцы и египтяне теперь нечто вроде окаменелостей, а греки и римляне исчезли совсем с лица земли, уступив родную почву другим племенам. Мухаммеданский восток раскинулся пышным, хотя и мгновенным цветом; но и этому он обязан был той односторонней истине, которую выразил я многосторонней лжи своей. Аравитяне имели влияние на самую Европу и тем придали мухаммеданству характер исторической необходимости и спасли его от забвения. Но когда односторонняя истина его содержания сшиблась с общею, мировую истинною христианского европеизма, – он уступил, потом пал, и теперь одряхлевший и безжизненный труп Турции держится только милостию евро-

пейских держав. Умерший Рим завещал богатое наследство своей жизни разрушившим его варварам: он дал им христианство, цивилизацию и законы. С тех пор человечество явилось в лице тевтонского племени, широким потоком разлившегося по Европе; все же остальное представляло собою явления случайные, которые возникали бог знает откуда и как и исчезали бог знает где и как, подобно ветру в степях Аравии... Аттилы и Тамерланы основывали огромные монархии и грозили всему миру и Европе; но мир и Европа остались, а грозные воители исчезли вмале; вместе с ними исчезли и их эфемерные монархии, возникшие и развившиеся не изнутри, подобно явлениям растительного и животного царства Природы, а снаружи, чрез налипание, подобно минералам, не органически, а химически и механически. Случайно было их явление, случайно было и их падение: могущество отдельной от человечества личности воззвало их к бытию, а смерть этой личности возвратила их в прежнее ничтожество. Между тем Европа росла, крепла и развивалась, выдержала ужасные напоры случайных сил и в существенных стихиях собственной жизни нашла разрешение противоречий этой жизни, а в борьбе разумной необходимости с случайностью открыла неисчерпаемый источник, богатое содержание неизживаемой жизни, – и только простодушное невежество или жалкое суеверие и фанатизм могут видеть последние дни и смертное томление Европы в успехах ее цивилизации, в торжестве человеческого разума^[14]. В каком смутном

брожении, в какой свирепой борьбе элементов и сил является история Европы средних веков! Но в этом хаосе немолчно раздаётся всемогущий глагол жизни, творческое «да будет!»;^[15] дух божий носится во мраке над ярящимися волнами беспредельных вод... и вот почему, при всей пестроте, при всей яркости цветов, при всем разнообразии и смешении борющихся между собою элементов, история Европы представляет стройную и величественную картину разумных и великих событий; взор мыслителя усматривает в форме этой многосложной картины единство диалектически развивающейся мысли.

Чтоб лучше показать, какая разница между интересным характером народа, не жившего жизнью человечества, и интересным характером всемирно-исторического народа, сравним Иоанна Грозного и Лудовика XI^[16]. Оба они – характеры сильные и могучие, оба ужасны своими делами: но Иоанн Грозный – важное лицо только для частной истории России: он довершил уничтожение уделов, окончательно решил местный вопрос, многозначительный только для России, – между тем как тирания Лудовика XI имела великое значение для Франции и, следовательно, для Европы: Лудовик нанес ужасный удар феодализму, сколько можно было сосредоточил государство, поднял среднее сословие, установил почты, хитрою и коварною своею политикою отстоял Францию от Карла Смелого и других опасных врагов, и пр. В характере и действиях Лудовика XI выразился дух эпохи, конец средних

веков и начало новейшей истории Европы. Иоанн интересен как *человек* в известном положении, даже как частно-историческое лицо; Лудовик XI – как лицо *всемирно-историческое*. Иоанн пал жертвою условий жизни народа, на котором вымещал свою погибель; Лудовик, чувствуя на себе влияние времени, был в то же время не только рабом его, но и господином, ибо давал ему направление и управлял его ходом.

История России от времен Калиты и особенно от Иоанна III до Петра Великого, без всякого сомнения, несравненно, интереснее, чем в период уделов и первой половины татарского ига; но чем интереснее становится она, тем менее обращает на себя внимание и трудолюбие ученых деятелей. По крайней мере в последнее время издано много исторических памятников, относящихся к этому периоду, чему обязаны мы более просвещенному содействию правительства, нежели ревности частных лиц. Что же до самой интереснейшей эпохи нашей истории – царствования Петра Великого, ее как будто и не существует в глазах наших ученых, поглощенных общими местами о происхождении Руси. А между тем каждый, если случится ему написать имя Петра, почитает за долг выйти из себя, накричать множество громких фраз, зная, что бумага все терпит. Иные из писавших о Петре, впрочем люди благонамеренные, впадают в странные противоречия, как будто влекомые по двум разным, противоположным направлениям: благоговей перед его именем и делами, они на одной странице весьма основательно говорят, что на что ни взгля-

нем мы на себя и кругом себя – везде и во всем видим Петра; а на следующей странице утверждают, что европеизм – вздор, гибель для души и тела, что железные дороги ведут прямо в ад, что Европа чахнет, умирает и что мы должны бежать от Европы чуть-чуть не в степи киргизские...^[17]

Мы очень рады, что появление второго издания Голикова, истории Бергмана и сочинения Кошихина дает нам случай и возможность сказать несколько слов о величайшем явлении русской истории и об одном из величайших явлений всемирной истории – о Петре Великом. Просим наших читателей не быть слишком взыскательными, не выпускать из вида великости предмета и незначительности средств к его уразумению, не забывать также, что в журнальной статье нельзя высказать всего так, как бы хотелось. Мы почтем себя вполне достигшими цели, если статья наша займет не одни глаза читателя, но и душу и разум его, и наведет его на мысли и думы, которых еще не возбуждали в нем исторические возгласы о Петре Великом.

Собрание фактов, касающихся до истории Петра Великого, критическое рассмотрение и поверка материалов ее – вот что прежде всего ожидает деятелей. Прагматическое изложение этих фактов – второе великое дело, пока еще тщетно ожидающее для себя труда и таланта. Но ни то, ни другое не может обойтись без определения настоящей точки зрения на Петра Великого, как на исторического действующего. Пусть всякий делает свое: мы постараемся изложить свою мысль,

или, если угодно, свое мнение о деле Петра, подкрепляя его, где будет нужно, живым свидетельством исторических фактов.

В чем заключается дело Петра Великого? В преобразовании России, в сближении ее с Европою. Но разве Россия и без того находилась не в Европе, а в Азии? – В географическом отношении, она всегда была державою европейскою; но одного географического положения мало для европеизма страны.

Что же такое Европа и что такое Азия? – Вот вопрос, из решения которого только можно определить значение, важность и великость дела Петра.

Азия – страна так называемой естественной непосредственности, Европа – страна сознания; Азия – страна созерцания, Европа – воли и рассудка. Вот главное и существенное различие Востока и Запада, причина и исходный пункт истории того и другого. Азия была колыбелью человеческого рода и до сих пор осталась его колыбелью: дитя выросло, но все еще лежит в колыбели, окрепло – но все еще ходит на помочах. В жизни, действиях и самом сознании азиатца видна только первобытная естественность – и больше ничего. Азиатца нельзя назвать животным, ибо он одарен смыслом и словом; но он животное в том смысле, в каком можно назвать животным младенца. Младенец есть возможность человека в будущем, но в настоящем – что такое жизнь его? – растительность и животность. Воплем и слезами изъясляет

он страдание и горестъ; криком и смехом – радость и удовольствие. Источник его радостей и страданий – его организм: здоров он и сыт – он доволен; может лакомиться – он счастлив; болен и голоден – он страдает; есть у него пища, но нет лакомств – он спокоен, но уныл, страсти его молчат, живость ощущений притупляется; увидит лакомства – он испускает вопли радости, глаза его сверкают огнем и странную живостию. Таков и азиатец. Основа его общественности есть обычай, освященный древностию, давностию и привычкою. «Так жили отцы наши и деды» – вот основное правило и высшее разумное оправдание азиатца в его быте и образе жизни. Прекрасное правило, все оправдывающая причина! Это альфа и омега всякой мудрости, это последний ответ на все вопросы разума! И, к тому же, оно так легко для уразумения, так коротко! Спросите черкеса, зачем он свято соблюдает права гостеприимства в своей сакле и грабит, режет своего гостя на дороге, подстреливает его из-под куста, как дикую птицу, или хватает на аркан, заковывает в железо и заставляет всю жизнь пасти стада, – он ответит вам: «Так делали отцы и деды наши». Хорошо ли это, дурно ли, разумно или бессмысленно, – подобные вопросы не приходят ему в голову; это слишком тяжелая, слишком неудобоваримая пища для его головы. Так же точно нисколько не думает азиатец о своей человеческой личности – о значении ее и правах. Сегодня богат он, завтра нищ; сегодня он неограниченный повелитель миллионов, завтра раб презренный и безгласный; сегодня

движение руки его, мание бровей его изрекают войну и мир, жизнь и смерть, – завтра подносят ему шелковый снурок, который он сам надевает себе на шею. Почему все это так, а не иначе, и должно ли все это быть так, а не иначе, – он об этом никогда не спрашивал ни себя, ни других. Так было задолго до него, так бывает не с одним им, а со всеми; следовательно, такова воля аллаха! И потому он так же хладнокровно распоряжается счастьем или несчастьем, жизнью и смертью ближних, как хладнокровно сам подчиняется велениям судьбы, Вследствие этого ценность человеческой крови для него нисколько не выше ценности крови домашних животных. Отсюда неограниченный деспотизм и безусловное рабство. Отсюда же совершенный произвол, с одной стороны, и совершенное отсутствие чувства законной приверженности и непоколебимой верности, с другой. Турок не ропщет, если дурное расположение духа властелина сажает его на кол или вешает на петле; но турок же не задумается ни на минуту пристать к смелому мятежнику против законного властителя, к сыну против родного отца. Вот непрочность одних естественных связей, не сознанных *посредством*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Здесь и далее критик цитирует «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (ч. III) по его кн.: Соч., изд. 4-е, т. IV. СПб., 1834.

2.

Из современников критика подобные упреки (еще не проникавшие на страницы печати) последовательно высказывали ранние славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков и др.). «Забвение» корней русского быта с позиции «официальной народности» осуждали М. П. Погодин и С. П. Шевырев, с января 1841 г. получившие собственную трибуну: под редакцией первого из них начал выходить журнал «Москвитянин» (см. также примеч. 14).

3.

См. преамбулу.

4.

Крылатое латинское выражение, восходящее к стиху из комедии Публия Теренция «Самоистязатель».

5.

Перефразированная реплика Репетилова из «Горя от

ума» (д. IV, явл. 4):

6.

Это суждение излишне категорично. Петровская тема – даже без учета труда И. И. Голикова (см. примеч. 7) – занимала достойное место в русской историографии XVIII – первой трети XIX в. (см.: Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомков. СПб., 1912; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. ч. III. Л., Изд-во ЛГУ, 1971, с. 122–138). Можно отметить, например, «Замечания» М. В. Ломоносова на «Историю Российской империи в царствование Петра Великого» Вольтера (1757; впервые издано в 1829 г.).

7.

Датируется серединой ноября 1828 года.

8.

Имеется в виду памятник Петру I работы Э. Фальконе («Медный всадник»).

9.

«История государства Российского» (т. I–XII; 1818–1829) Н. М. Карамзина прервалась на описании событий рубежа XVI–XVII вв.

10.

Перефразированные слова из начальных строк первого достоверного летописного свода: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» («Повесть временных лет». М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950, с. 9).

11.

Термин «баснословный период» введен в русскую науку М. Т. Каченовским, родоначальником так называемой скептической школы. По мнению этого ученого, в киевский период русской истории общественный и политический строй был столь примитивен, что нет основания доверять каким-либо отечественным источникам и свидетельствам X–XIII вв. (подробнее о его взглядах см.: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., Госполитиздат, 1941, с. 233–241). Белинский разделял скептический взгляд Каченовского на эту эпоху русской истории (см. его рецензию на «Историю России в рассказах для детей» А. О. Ишимовой – наст. т., с. 473).

12.

Одним из самых спорных вопросов в русской исторической науке XVIII–XIX вв. являлся так называемый норманнский вопрос. «Норманисты» (Г. З. Байер, Г.-Ф. Миллер, А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М. Соловьев,

К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и др.) интерпретировали летописные сведения в том смысле, что русская государственность была привнесена извне варяжскими (норманнскими) князьями. Эта точка зрения получила права официальной. «Антинорманисты» (М. В. Ломоносов, И.-Ф.-Г. Эверс, М. Т. Каченовский, Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин и др.), наоборот, считали, что русская государственность возникла исключительно вследствие внутренних процессов. Ограниченность обоих альтернативных решений лишь в последней четверти XIX в. была преодолена В. О. Ключевским. Белинский же вообще снимает норманнский вопрос с обсуждения, так как весь домосковский период русской истории – какого бы происхождения ни была княжеская власть – ошибочно представлялся ему маловажным (см. примеч. 11). Борьбу с норманнской теорией критик развернул в дальнейшем, в ходе полемики с М. П. Погодиным и славянофилами (см., например, его рецензию на «Славянский сборник» Н. В. Савельева-Ростиславича – наст. изд., т. 7).

13.

См. преамбулу.

14.

В статье «Взгляд русского на современное образование Европы» С. Н. Шевырев заявил, что Запад, страдающий

неизлечимыми пороками, «стремится» в «огненную бездну» («Москвитянин», 1841, № 1, с. 288). Апокалипсическое видение грядущего краха европейской цивилизации являлось будущим славянофилам еще в середине 30-х гг.; см., например, в стихотворении А. С. Хомякова «Мечта» (1835):

15.

Из стихотворения С. С. Боброва «Столетняя песнь, иль Торжество осьмогонадесятъ века России» (1801); перефразированные строки этого произведения:

16.

Сравнение Ивана Грозного с Людовиком XI принадлежит Н. М. Карамзину (см. его «Историю государства Российского», т. IX. СПб., 1821, с. 438–439).

17.

Критик в полемических целях контаминирует тезисы двух статей, опубликованных в «Москвитянине», № 1 за 1841 г. В статье М. П. Погодина «Петр Великий» говорилось о необходимости петровских преобразований в его эпоху, а в статье С. П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» содержалось утверждение о глубоком кризисе европейской цивилизации.